

Спустя три дня глава секты вызвала их к себе.

Бо Цинъянь отправилась в главный зал вместе с Бай Мянem.

Тот стоял рядом с Бо Цинъянь, держа её за руку, и смотрел на людей в зале, которые когда-то глядели на него свысока и чужойне. Теперь взгляды этих людей отличались от прежних — в них читались удивление, опаска и нечто невыразимое, скрытое подспудно.

— Цинъянь, — заговорила глава. — Раз уж ты пробилась на Стадию Превращения Божества, кое-что тебе тоже пора узнать.

Бо Цинъянь слегка кивнула:

— Прошу главу секты пояснить.

Глава поднялась с места, спустилась по ступеням и подошла к ним обоим.

Её взгляд упал на Бай Мянem, задержался на мгновение, а затем снова переместился на Бо Цинъянь.

— Знаешь ли ты, почему непревзойденное боевое искусство меча нашей Секты Небесного Меча никогда не передается посторонним?

Бо Цинъянь ничего не ответила.

Глава продолжила:

— Потому что меч нашей Секты Небесного Меча — не обычный меч.

Она подняла руку, и из ниоткуда появился длинный меч.

Клинок был совершенно белым, по его поверхности переливалось слабое сияние, а на самом кончике едва уловимо клубилась и мерцала острая, пронзительная Ци, от которой даже воздух вокруг искажался и слегка искривлялся.

— Этот меч зовется Тяньвэнь, он — сокровище, защищающее нашу Секту Небесного Меча, — произнесла глава. — Каждая из прежних глав должна была постичь высшее мастерство, именуемое Девять Стилей Тяньвэня. Каждое из этих девяти движений меча невероятно властно и свирепо, а доведя их до совершенства, можно раскалывать небеса и рассекать землю.

Бо Цинъянь смотрела на этот меч, и её взгляд слегка качнулся.

— Но Ци меча Тяньвэнь слишком свирепа, — продолжила глава. — Тот, кто практикует Девять Стилей Тяньвэня, непременно должен иметь ножны.

— Ножны?

— Верно. — Глава посмотрела на Бай Мяня. — У меча есть лезвие, значит, ему нужны и ножны. Какой бы бурной ни была Ци меча, её необходимо где-то вмещать и удерживать. Иначе практикующего разорвет ответной волной его собственной Ци меча, меридианы будут полностью разрушены, а всестилевые основы пойдут прахом.

Взгляд Бо Цинъянь тоже упал на Бай Мяня.

От её взгляда Бай Мяню стало не по себе, и он подсознательно чуть отступил за её спину.

— Все, кто в прошлые эпохи постигал Девять Стилей Тяньвэня, выбирали себе ножны, — сказала глава. — Этот человек обязательно должен обладать телом Котла, глубоким и чистым Инь, способным выдержать удар Ци меча. Во время практики Ци меча направляется в тело ножен для питания и взращивания, а когда нужно — извлекается обратно. Таким образом удастся и обезопасить самого практикующего, и сделать Ци меча еще более чистой и утонченной.

Бай Мянь моргнул: слова главы означали, что ножны — это он сам.

— Конечно, — произнесла глава спокойным тоном. — Побывать ножнами — задача не из легких. Когда Ци меча проникает в тело, это подобно тысяче стрел, пронзающих сердце, и каждая такая процедура приносит невыносимую, мучительную боль. К тому же срок жизни ножен обычно недолог.

— Уважительная наставница имеет в виду...

— Он — самый подходящий кандидат, — ответила глава. — Тело Котла, глубокое Инь, к тому же вы многократно практиковали парное единение, так что Ци в его теле гармонирует с твоей наилучшим образом. И к тому же...

Она сделала паузу, и ее взгляд опустился на живот Бай Мяня.

— Он носит твоего ребенка, в нем течет твоя кровь, и способность выдерживать Ци меча у него будет еще сильнее.

Бай Мянь поначалу немного испугался, но услышав от главы, что носит под сердцем дитя своей жены, невольно ощутил прилив счастья.

Он посмотрел на холодный и отрешенный профиль своей жены, мысленно желая прямо сейчас сказать ей, что он согласен, согласен стать ножнами для своей жены, согласен претерпеть ради нее эту свирепую Ци меча.

Не успел он раскрыть рот, как взгляд Бо Цинъянь уже опустился на него.

В этом взгляде сквозили холодность, оценивающая строгость и еще что-то иное.

Но Бай Мянь не разглядел это «что-то иное». Он заметил лишь то, как уголки ее губ едва заметно дрогнули и изогнулись.

Изгиб этот был мимолетным, настолько слабым, что его едва можно было разглядеть, но он увидел его. Его сердце гулко ухнуло вниз, а затем забилось с бешеной силой, словно в груди прятался испуганный кролик.

И тут он услышал её голос:

— Подойди.

Он тут же поспешил вперед, шагнув к ней.

Бо Цинъянь подняла руку и легко провела кончиком пальца по его щеке. Движение было очень нежным, источающим редкое тепло.

Хоть она ничего и не сказала, глаза Бай Мяня вмиг засияли. Он поднял на нее лицо, точно маленькая собачка, которой наконец-то погладили макушку, и в его глазах плескалась нескрываемая радость и привязанность.

Заметив, что оба они воркуют друг с другом, словно вокруг никого нет, глава кашлянула.

Только тогда Бай Мянь пришел в себя и торопливо выпалил:

— Я, я согласен стать ножнами жены!

Бо Цинъянь ничего не ответила, лишь крепче сжала руку Бай Мяня:

— Пойдем, вернемся и там поговорим.

По дороге в их жилище Бай Мянь всю дорогу держал ее за руку, а его шаги были такими легкими, казалось, он вот-вот взмоет ввысь. Он то и дело поднимал на нее глаза: глянет — улыбнется, снова глянет — и снова улыбнется.

Бо Цинъянь не стала отнимать руку.

Как только они вошли в комнату и дверь затворилась, Бай Мянью уже собирался что-то произнести, как вдруг услышал ее голос, донесшийся прямо сверху:

— Ты думаешь, что такое ножны? Разве низкий и распутный раб вроде тебя может стать ими лишь потому, что ему так захотелось?

Бай Мянью остолбенел и поднял на нее глаза.

Бо Цинъянь уже отпустила его руку и уселась на тахте. На ее лице по-прежнему застыло привычное холодное и отстраненное выражение, но во взгляде проступило куда больше тяжести и мрака, чем мгновение назад в зале.

— С этого дня ты больше не просто супруг этого мастера, — произнесла она. — Ты — мои ножны, часть моей основы совершенствования. Твое тело, твои меридианы, каждый дюйм твоей плоти и крови должны служить Ци меча этого мастера.

Бай Мянью кивнул:

— Я... я понимаю...

— Что ты понимаешь? — перебила она его. — Отныне ты больше не сможешь разгуливать где вздумается, не сможешь делать то, что пожелаешь? Пока Ци меча питается в твоём теле, куда бы ты ни отправился, повсюду будет следовать аура этого мастера. Если с тобой что-то случится, Ци меча этого мастера пострадает. Поэтому...

Она посмотрела на него тяжелым, проницательным взглядом.

— Я, я непременно сделаю так, чтобы она не пострадала!

Опустив голову и теребя рукав, он глухим голосом пробормотал:

— Я... я всё сделаю правильно... я обязательно справлюсь...

Бо Цинъянь поднялась и направилась к выходу.

— У меня сегодня вечером дела, ложись спать пораньше, — бросила она равнодушным тоном.
— Завтра в час мао — на мечевой площадке позади горы. Я научу тебя управлять Ци.

Бай Мянью резко поднял голову, и его глаза снова вспыхнули.

— Д-да! Я обязательно буду вовремя!

Бо Цинъянь больше ничего не сказала, приподняла занавеску и скрылась за ней.

Бай Мянъ остался стоять на месте, прикрывая ладонями собственные пылающие уши, и еще долго по-дурацки улыбался.

Жена сказала, что будет учить его.

Жена сказала, что если он все сделает хорошо, то станет ее человеком.

Он непременно должен доказать жене, что от него есть польза.

[Хозяюшка, не переживай, Система Блаженной Беременности зафиксировала рост твоего показателя беременности. Эти очки беременности преобразуют Ци, которую предстоит вытерпеть хозяйшке, в показатели чувствительности, так что больно не будет.]

Бай Мянъ на миг замер:

[Правда?]

[Правда. Но одна единица беременности способна переработать лишь одну порцию Ци. На данный момент у хозяйшки всего 11 очков беременности.]

Бай Мянъ подумал о том, что Ци жены наверняка очень много, и с легким испугом спросил:

[Тогда... тогда как мне получить еще очки беременности?]

[В связи с ограничениями платформы, пожалуйста, проверьте это в личном кабинете.]

Посмотрев туда, Бай Мянъ опустил голову и взглянул на свой слегка округлившийся животик.

Рожать детей...

Он погладил себя по животу, и на его лице проступила мягкая, нежная улыбка.

Пока это может помочь жене, он готов на всё.

<http://bllate.org/book/22395/2350078>